

УДК 811.161.1'367.623

А. А. Козловская

<https://orcid.org/0000-0001-6199-6890>

Личные формы предикатива с семантикой позитивной экспрессии в лирике А. Ахматовой

Для цитирования: Козловская А. А. Личные формы предикатива с семантикой позитивной экспрессии в лирике А. Ахматовой // Верхневолжский филологический вестник. 2021. № 1 (24). С. 104–111. DOI 10.20323/2499-9679-2021-1-24-104-111

Целью статьи является характеристика функциональных особенностей личных предикативных конструкций с семантикой положительного душевного состояния в поэзии А. Ахматовой

Процедура и методы исследования. Автором проанализирована поэзия А. Ахматовой (Сборники «Вечер», «Чётки», «Белая стая», «Подорожник», «Anno Domini»). Основное содержание исследования составляет рассмотрение личных конструкций с предикативом, для выявления которых был использован метод сплошной выборки, а также структурно-семантическое описание языкового материала с использованием функционального подхода.

Результаты. Проведённый анализ показал, что основной процент художественных текстов А. Ахматовой составляют синтаксические конструкции с личным предикативом, выражающим душевное состояние. Искусное использование конструкций с личным предикативом позволило А. Ахматовой выразить чувства и эмоции в сжатой и экспрессивной форме. Материалы статьи позволяют раскрыть особенности творческого метода А. Ахматовой.

Теоретическая и/или практическая значимость. Разработанная теоретическая методика анализа конструкций с предикативом может быть использована при работе с языком текстов других авторов начала XX века, поскольку предикатив является универсальным средством создания художественного образа в поэзии и прозе Серебряного века.

Ключевые слова: акмеизм, предикатив, душевное состояние, эмоции, интенсив, интенсификаторы, дистрибуция, синтаксические партнёры.

А. А. Kozlovskaya

Personal predicatives with the semantics of positive expression in A. Akhmatova's poetry

The aim of the article is to characterise the specific functions of personal predicative constructions with the semantics of a positive state of mind in Akhmatova's poetry. The author analyses the collections Evening, The Rosary, The White Pack, Plantain, Anno Domini. The study considers personal predicative constructions, using the continuous sampling method to identify them, as well as the structural-semantic description of the linguistic material using the functional approach. The analysis has shown that the main body of Akhmatova's literary texts are syntactic constructions with a personal predicate expressing state of mind. Akhmatova's skillful use of personal predicative constructions enabled her to express her feelings and emotions in a concise and expressive form. The material of this article reveals the peculiarities of Akhmatova's creative method. The theoretical methodology for analysing constructions with predicate can be used when working with the language of the texts written by other authors of the early 20th century, because the predicate is a universal means of creating an artistic image in the poetry and prose of the Silver Age.

Keywords: acmeism, predicative, state of mind, emotion, intensity, intensifiers, distribution, syntactic partners.

Введение

Поэзия, как известно, одна из форм выражения сложного мира чувств и эмоций человека в художественном поэтическом оформлении [Козловская, 2014].

Начало XX века – это расцвет искусства и литературы, русский ренессанс, создавший разнообразие стилей и литературных направлений. Одним

из первых возник символизм, кризис которого в 1910 году стал предпосылкой к зарождению акмеизма. Поэтическому языку нужны были новые формы выражения чувств и эмоций: «Надо было вернуться к искусству – вырваться из этой высокой, но безвоздушной «башни» символизма. Надо было изменить отношение к поэтическому языку, который превратился в мертвый диалект, лишен-

ный живого развития, живой игры» [Эйхенбаум, 1923, с. 7].

Ключевые идеи акмеистов были изложены в 10–20-е годы XX века в составленных ими манифестах: «Наследие символизма» Н. С. Гумилёва, «Некоторые течения в современной русской поэзии» С. М. Городецкого и «Утро акмеизма» О. Э. Мандельштама [Твердохлеб, 2017б].

Акмеисты отказались от использования в художественном языке витиеватых метафор, загадочных символов, туманных образов, присущих символизму, и вернули поэзии ясность и конкретность: «вещный, предметный мир как основная установка акмеизма потребовала замены «поэзии намеков и настроений» «искусством точно вымеренных и взвешенных слов» [Твердохлеб, 2017б, с. 162].

Самым ярким поэтом-акмеистом стала А. Ахматова – «русская поэтесса Серебряного века, переводчик, литературовед», произведения которой составляют «поистине культурное наследие, имеющее значимость для всей мировой литературы» [Хадзиева, Нальгиева, 2018, с. 35–36].

Велика заслуга А. Ахматовой в том, что она выступила как новатор в области поэтического языка. Б. М. Эйхенбаум, анализируя творческий метод А. Ахматовой, выделил такие основные особенности ее поэзии, как «уверенность», «законченность», «скупость слов» [Эйхенбаум, 1923, с. 10]. Сжатость и лаконичность стиля А. Ахматовой исследователь связывал с «ослаблением глагола», использованием поэтессой «иных форм сказуемости», одной из которых стал предикатив: «логическая ясность, в которой заключена неожиданная новизна видения мира, пронизанная удивлением перед реальностью, потребовала вовлечения в художественное пространство стихотворений определенных грамматических построений...» [Эйхенбаум, 1923, с. 10–11].

О частеречном статусе предикатива

Предикатив – «гибридная» часть речи, совмещающая в себе признаки глагола и имени прилагательного, представленная в двух формах: личной и безличной. Вопрос о частеречном статусе предикатива уже на протяжении многих лет вызывает много споров среди исследователей. Безличную форму предикатива часто называют категорией состояния, а личную – кратким прилагательным. Впервые категорию состояния в отдельный лексико-грамматический класс выделил Л. В. Щерба в статье о «Частях речи в русском языке» (1928). У безлично-предикативных слов типа *холодно, весело, пора, жаль* Л. В. Щерба отметил

такие особенности, как употребление со связкой в функции предиката в предложении и семантику состояния [Щерба, URL: <http://www.ruthenia.ru/apr/textes/sherba/sherba1.htm>], но он «не настаивал на статусе части речи и допускал, что частью речи категория состояния признана не будет» [Лекант, 2015б, с. 10].

В отдельную часть речи категорию состояния выделил именно В. В. Виноградов. В отличие от Л. В. Щербы, построившего исследование «новой» части речи в основном на семантике состояния, В. В. Виноградов доказывал частеречный статус категории состояния, опираясь на грамматические особенности данной части речи, связанные с неизменяемостью слов категории состояния и характером аналитизма (формы наклонения и времени выражались при помощи связки *быть*). Заслуга ученого и в том, что он одним из первых отмечает «сближение кратких прилагательных с категорией состояния» [Лекант, 2015б, с. 11], а также постепенном отрыве краткой формы прилагательного от полной: «...В краткой форме имени прилагательного значение качества переходит в значение *качественного состояния* (курсив автора статьи А. К.)» [Виноградов, 1947, с. 265].

Гипотеза В. В. Виноградова получила развитие в исследованиях грамматистов XX (Е. М. Галкина-Федорук, Н. С. Поспелов, А. Б. Шапиро, В. Н. Мигирин) и XXI веков (П. А. Лекант, М. В. Дегтярева, Д. А. Савостина другие).

Термин «предикатив» для обозначения статуса новой части речи, представленной в двух формах – личной (краткое прилагательное) и безличной (слова категории состояния), был предложен и обоснован П. А. Лекантом: «В современном русском языке сложилась особая «гибридная» часть речи с собственным категориальным значением и с собственным вопросом – *каков?*») [Лекант, 2007, с. 49].

Предикатив называют «гибридной» частью речи из-за его особой грамматической природы: он совмещает одновременно грамматические признаки имени прилагательного (род, число) и глагола (наклонение, время, лицо и число, которые выражаются аналитически при помощи связки *быть*).

Частеречный статус предикатива всесторонне охарактеризован в исследовании М. В. Дегтяревой:

«*Предикативом* мы называем особую гибридную часть речи, которая сложилась в русском языке в недрах краткой формы имени прилагательного.<...> Совмещение в современном русском языке в краткой форме новых **формы** и

функции позволяют говорить о формировании не просто особого гибридного грамматического ряда (В. В. Виноградов), а особой части речи, генетически связанной с категорией имени прилагательного, но развивающей в современном русском языке формы и функции (а также значения), каких нет у имени прилагательного» [Дегтярёва, 2007, с. 70–71].

По словам П. А. Леканта, «новизна проблемы предикатива заключается в комплексном описании формы, семантики и функций этой части речи – *единственной аналитической* части речи в современном русском языке» [Лекант, 215б, с. 8].

Образный потенциал предикатива позволил А. Ахматовой экспрессивно и ёмко выразить состояние души в определенный момент времени:

«Предикатив дает возможность художнику слова запечатлеть состояние героя в некий конкретный момент времени, передать перемены в настроении и восприятии действительности» [Савостина, 2010, с. 30].

Особенности употребления личных конструкций предикатива с семантикой душевного состояния

Для лирики А. Ахматовой характерно использование как личных, так и безличных форм предикатива, но основной процент проанализированного нами языкового материала (около 70 процентов) составляют именно личные конструкции.

Тенденция к употреблению в художественной речи личных предикативных конструкций напрямую связана с особенностями лирики поэтессы.

Каждое стихотворение А. Ахматовой – это небольшая история из жизни, напоминающая отрывок из личного дневника. Многие литературоведы, современники А. Ахматовой, критиковали поэтессу за исповедальный характер лирики, но именно эта черта является особой приметой творческого метода мастера слова: «...перед нами – конкретные человеческие чувства, конкретная жизнь души, которая томится, радуется, печалится, негодует, ужасается, молится, просит и т. д. <...> Стихи эти связываются в нашем воображении воедино, порождают образ живого человека, который каждый свое новое чувство, каждое новое событие своей жизни отмечает записью» [Эйхенбаум, 1925, с. 10–11]. В. В. Виноградов отмечал, «что большинство стихотворений А. Ахматовой – выдержки из монологов, в которых развивается драма ее героини» [Виноградов, 1925, с. 111].

Вот почему лирическая героиня А. Ахматовой часто отождествляется с ней самой: «я – героиня»

и «я – поэтесса» практически неразделимы в художественном контексте и связаны с «акмеистическим принятием мира «во всей совокупности красот и безобразий», «здесь», в русской современности» [Твердохлеб, 2017а, с. 78].

В лирике А. Ахматовой отмечается многообразие личных предикативных конструкций с семантикой душевного состояния.

В данной статье анализируются личные формы предикатива с семантикой положительного состояния.

Для анализа языкового материала мы обратились к русскому семантическому словарю под редакцией Н. Ю. Шведовой, а именно к разделу, содержащему «описание множеств и подмножеств, характеризующих многообразные душевные состояния и свойства личности, а также их проявления в поступках, поведении, в целенаправленных действиях» [РСС, 2003, с. 245].

Важно отметить, что в художественных текстах А. Ахматовой эмотивные предикативы обычно употребляются с разными *дистрибутивными* словами, усиливающими то или иное эмоционально-психическое состояние (*дистрибутивный* от *дистрибуция* (распределение) <...> «Совокупность («класс») всех окружений (контекстов), в которых может встречаться данная языковая единица, <...> т. е. место, порядок, сочетаемость и т. п. свойства ее употребления в плане расположения отдельных частей высказывания относительно друг друга») [Ахманова, 1966, с. 32].

К ним можно отнести *интенсификаторы* – частицы *так* и *как*, которые иногда могут употребляться с междометиями (*о, ах*), частицы *все-таки, же* и другие и *градуаторы* (наречия меры и степени *очень, весьма, слишком* и другие).

Самыми типичными усилителями семантики предикатива выступают интенсификаторы – частицы *так* и *как*: «Сочетание частиц *какой, как, такой, так* с «полными» словами представляют семантико-синтаксическое единство – не форму этих слов (ср. *как вскочит, как крикнет* и др.), а особую синтаксическую форму – *интенсива*, которая определяет субъективную окраску высказывания» [Лекант, 2015а, 33].

Частотой употребления в лирике А. Ахматовой отличаются конструкции с личными предикативами *рад* и *радостен*.

Радость. «<...> Веселое, счастливое чувство, ощущение полного удовлетворения». Чувство радости может быть представлено в художественных текстах двумя личными предикативами: *рад* и *радостен*» [РСС, 2003, с. 245].

Предикатив *рад* обычно употребляется в двух значениях: «...1. О чувстве удовольствия, удовлетворения, радости, испытываемом кем-либо. 2. *перен.* О готовности сделать что-либо» [Ефремова, URL: <http://efremova-online.ru>].

Для лирики А. Ахматовой характерно использование *рад* только в первом значении.

Примечательно и то, что на семантику предикатива могут оказывать влияние не только дистрибутивные слова, но и синтаксические партнёры, находящиеся в непосредственном окружении синтаксической конструкции с эмотивным предикативом. В лирике А. Ахматовой ими могут быть «предложения-символы», в том числе с метафорическим значением, параллельные конструкции с другими предикативами, чаще всего «восприятия» или оценки, дательный субъекта *мне*, являющийся **адресатом** состояния.

Предикатив с положительным значением может одновременно иметь оттенки и отрицательной коннотации. Такое интересное явление наблюдается в случае смены эмоциональной окраски фраз, создающей острую «двойственность восприятия», когда «слово светится сразу двумя переливчатыми лучами» [Виноградов, 1925, с. 81], что типично именно для акмеистической лирики А. Ахматовой. *Сколько просьб у любимой всегда! / У разлюбленной просьб не бывает. / Как я рада, что нынче вода / Под бесцветным ледком замирает. / И я стану – Христос помоги! – / На покров этот, светлый и ломкий, / А ты письма мои береги. / Чтобы нас рассудили потомки...* [Ахматова, 2002] – определенный тональный строй и фразовый «параллелизм» (В. Виноградов) способствуют возникновению негативной коннотации: в простом «как я рада» завуалирована душевная боль лирической героини. В целом высказывание выстраивается на каком-то эмоциональном изломе, контрасте, но при этом его нельзя назвать крайне аффективным, поскольку нет резких скачков и перепадов тона. Как подчеркивает В. Виноградов: «Ахматова сплетает эмоциональную речь в причудливой гирлянде с эпическим, печально-сдержанным сказом – как бы в хронологическом отдалении от темы» [Виноградов, 1925, с. 89], словно перед нами отрывок из романа.

Рассмотрим еще один пример употребления личного предикатива *рад*: *Морозное солнце. С парадом / Идут и идут войска. / Я полдню январскому рада. / И тревога моя легка.* [Ахматова, 2002] – в данном тексте личный эмотивный предикатив *рада*, в отличие от предыдущего примера, выражает состояние с положительной коннотацией. Но се-

мантика предикатива вновь конкретизирована и дополнена – это не только состояние удовольствия или радости, но одновременно умиротворенности и душевного спокойствия. Подобный эффект достигается благодаря особому сочетанию лексемы *тревога* с личным предикативом *легка*, образующими оксюморон. Отрицательное значение лексемы *тревога* – «состояние взволнованности, неуверенности и страха за какого-что-н.» [РСС, 2003, с. 245] – сглажено личным предикативом *легка*, т. е. эмоция радости развеяла гнетущее тревожное состояние души героини, все дурные предчувствия сменяются легким волнением грядущих перемен.

Сочетание лексем *морозное солнце* и *январский полдень* представлены в тексте как «вещные символы» (В. Виноградов), несущие определенную эмоционально-смысловую нагрузку, вызывающие у читателя на подсознательном уровне приятные ассоциации с чем-то светлым, ярким, свежим. Они служат своеобразным эмоциональным фоном для фиксации перемен в настроении лирической героини – от тревоги к спокойствию и умиротворению.

Значение тихой радости передает предикатив *рада* в следующем примере: *Широк и жёлт вечерний свет, / Нежна апрельская прохлада. / Ты опоздал на много лет, / Но все-таки тебе я рад.* [Ахматова, 2002].

Личная конструкция предикатива *рада* с субъектом *я* употребляется вместе с частицей *все-таки*, акцентирующей внимание читателя на душевном состоянии лирической героини. Обратившись к словарю служебных слов русского языка под редакцией Е. А. Стародумовой, можно найти три значения частицы *все-таки*. В приведённом контексте *все-таки* «относится к предикату», сочетается с союзом *НО*, является «безударной, акцентирующей» и выражает следующее значение: «ситуация, вводимая «все-таки», всегда существует на фоне другой ситуации, не соответствующей, препятствующей» [Словарь служебных слов ... , 2001, с. 91–92]. В данном случае препятствующей ситуацией является высказывание *Ты опоздал на много лет*. Акцентуации этого значения способствует и союз *НО*. Синтаксические партнёры – двусоставные предложения с оценочными предикативами восприятия – *широк* и *жёлт* и *нежна* – занимающие препозицию по отношению к ключевой личной конструкции с предикативом состояния *рада*, создают особый эмоциональный фон.

Наряду с использованием предикатива *рад* в

единичных случаях поэтесса обращается к варианту – *радостен*. Несмотря на схожесть, в семантике лексем *рад* и *радостен* есть отличия, а именно: «<...> испытывающий радость» или «доставляющий радость, вызывающий радость» [Ефремова, URL: <http://efremova-online.ru>].

Употребление предикатива *радостен* в условиях поэтического текста имеет ряд особенностей. Если предикатив *рад* всегда отождествляется с субъектом состояния (к примеру, *я рад чему – (кому-) либо или сердце радо*), то состояние радости, выражаемое предикативом *радостен*, словно приписывается субъекту извне, кроме того, наличие отвлеченного суффикса *-ость* придает личной конструкции дополнительный оттенок торжественности, возвышенности: *Мне больше ног моих не надо, / Пусть превратятся в рыбий хвост! / Плыву, и радостна прохлада, / Белеет тускло дальний мост. / Не надо мне души покорной... <...> А ты, мой дальний, неужели / Стал бледен и печально-нем?... [Ахматова, 2002]*. Эмотивный предикатив снова в окружении предложений – «символов», что делает эмоциональное состояние лирической героини более интенсивным. Удовольствие и радость от своеобразной игры в русалку напоминает больше состояние аффекта: героиня не хочет быть покорной, и «вещный» символ – тусклое пятно дальнего моста – словно намекает читателю о предстоящей неизбежной трагедии. Примечательно, как поэтесса противопоставляет с помощью контраста эмоционально-психическое состояние героини и лирического героя, о котором упоминается в последней строфе-развязке. Сравним предикативы: *радостна* и *бледен, печально-нем*, а игру слов – *дальний мост* и *мой дальний*. Таким образом, посредством личных предикативов и синтаксических партнеров, выполняющих функцию «вещных» символов, создается полная картина душевного состояния лирической героини: оно лишь на первый взгляд радостное, за внешней радостью скрываются душевная боль и тоска. В том и заключается своеобразное очарование стиля Ахматовой, на что указывал и В. Виноградов: «...Часть вещных символов в поэзии Ахматовой глубоко индивидуальна. <...> Их функция – подчеркивать неповторимость разорванных миггов, из которых каждый запечатлен в отдельном художественном произведении» [Виноградов, 1925, с. 43].

Из таких «разорванных» миггов состоит стихотворение «Дверь полуоткрыта, веют липы сладко...», обратимся к его второй части с личными предикативами: *Радостно и ясно / Завтра будет*

утро. / Это жизнь прекрасна, / Сердце, будь же мудро. // Ты совсем устало, / Бьешься тише, глуше.. / Знаешь, я читала, что бессмертны души [Ахматова, 2002]. Состояние лирической героини выражается при помощи нескольких параллельных конструкций с разными личными предикативами. Если в других, проанализированных нами текстах личные конструкции с предикативом *рад/радостен* выражают душевное состояние героини напрямую, то в данном случае, опосредованно, через оценку. Личные предикативы восприятия *радостно* и *ясно* в сочетании со связкой *быть* в будущем времени относятся к объекту *утро*, они выражают надежду лирической героини на лучшее, что усиливается жизнеутверждающим «предложением-символом» с личным оценочным предикативом *прекрасна*. Далее следует параллельная конструкция с обращением и оценочным предикативом *мудро* со связкой *быть*, выражающей повелительное наклонение: *Сердце, будь же мудро*. Лирическая героиня обращается к себе через объект *сердце* – «вещный символ», требуя от себя здоровой оценки происходящего. Мудрость – это не состояние души, но часть самосознания человека: «глубокий ум, опирающийся на жизненный опыт» [РСС, 2003, с. 215]. Частица *же*, выступающая синонимом частицы *все-таки*, делает данную конструкцию менее категоричной; если *все-таки* – «...знак раздумий говорящего», то *же*, «по сравнению с ней частица сниженная и в большей мере показывающая обращенность высказывания к адресату, желание получить от него ответ» [Словарь служебных слов ... , 2001, с. 95]. Кроме частицы *же* излишнюю строгость и требовательность разбавляет чувство жалости, выраженное при помощи синтаксических партнеров с метафорическим значением: *Ты совсем устало, / Бьешься тише, глуше...* И полным контрастом по отношению к первому звучит «предложение-символ» с личной предикативной конструкцией *бессмертны*: *Знаешь, я читала, что бессмертны души*. Душевный надрыв, внутренний разлад в лирике А. Ахматовой часто завуалированы за внешней картиной радости и безмятежности.

Синонимичной конструкцией к личному предикативу *рад (радостен)* является эмотивный предикатив *весел*, он менее употребителен в сравнении с безличной конструкцией «*Мне с тобою пьяным весело...*» [Ахматова, 2002]. Используется для выражения состояния жизнерадостности, веселья, производное от *веселый* в первом значении.

Веселый, <...> «Полный веселья, жизнера-

достный. || Выражающий веселье, исполненный веселья». **Весёлость** – «...жизнерадостность, готовность веселиться, смеяться» [Ефремова, URL: <http://efremova-online.ru>].

Целый год ты со мной неразлучен./ А как прежде и весел и юн!/ Неужели же ты не измучен/ Смутной песней затравленных струн... [Ахматова, 2002]. Предикатив *весел* с контекстуальным синонимом *юн* включены в предложение-символ, которое акцентируется союзом *А*, поскольку эмоциональное состояние, в котором пребывает лирический герой в настоящий момент времени, дано в ретроспективе: это часть приятных воспоминаний лирической героини, показанных сквозь призму ее личной драмы, как «мимолетные метафоры прошлого, призрачные всплески воспоминаний о восприятиях мгновенных» [Виноградов, 1925, с. 80]. Кроме того, личные конструкции *весел* и *юн* находятся в окружении еще двух предикативов *неразлучен* и причастного *не измучен*, но выражающих состояние лирического героя в настоящем длительном. В. В. Виноградов подобные явления в композиции стихотворений А. Ахматовой называл столкновением двух планов «психологического времени» [Виноградов, 1925, с. 80], которое может привести к «киному типу соотношения времен», правда, здесь соотносятся не прошедшее с будущим, а прошедшее с настоящим, но подобный стилистический прием позволяет поэтессе добавить интенсивности выражению не только состояния лирического героя, но и усилить душевную боль лирической героини.

Интересным синонимичным вариантом предикатива *рад* (*радостен*) в художественных текстах выступают также личные конструкции с личным предикативом *счастлив* (тот, кто испытывает счастье), поскольку счастье относится к категории «длительных» состояний.

Счастье – «<...> чувство восторженной радости, полного удовлетворения» [РСС, 2003, с. 245].

Счастлив – производное от лексемы *счастли-вый* (пребывать в состоянии счастья). <...> «Состояние абсолютной удовлетворенности жизнью, чувство наивысшего удовольствия, радости. <...> II предик. 1. О состоянии, когда очень хорошо». [Ефремова, URL: <http://efremova-online.ru>].

Обычно предикатив *счастлив* выражает состояние, «когда очень хорошо», лирический герой испытывает чувство радости, удовлетворенности жизнью, которое могут подчеркивать в том числе интенсификаторы: *Муза! Ты видишь, как счастлив все/ – Девушки, женщины, вдовы.../ Лучшие*

погибну на колесе,/ Только не эти око-вы... [Ахматова, 2002].

А вот текст, где героиня обращается с пожеланием счастья к лирическому герою, но с нотками горечи и разочарованности: *Процдай, процдай, будь счастлив, друг прекрасный,/ Верну тебе твой сладостный обет,/ Но берегись твоей подруге страстной/ Поведать мой неповторимый бред* [Ахматова, 2002] – в данном случае несколько меняется качество семантики предикатива, он содержит уже оценку (*будь счастлив = пусть тебе будет хорошо или живет хорошо, спокойно*).

Интересна семантика предикатива *счастлив* в необычном стихотворении «Бессмертник сух и розов. Облака...»: *Бессмертник сух и розов. Облака/ На свежем небе вылеплены грубо./ Единственного в этом парке дуба/ Листва еще бесцветна и тонка./ Лучи зари до полночи горят,/ Как хорошо в моем затворе тесном!/ <...> Я счастлива. Но мне всего милей/ Лесная и пологая дорога./ Убогий мост, скривившийся немного,/ И то, что ждать осталось мало дней* [Ахматова, 2002] – здесь акцентируется внимание читателя на экзистенциальном предложении: *Я счастлива*, где анимистический предикатив *счастлив* выражает «абсолютное» состояние счастья, в котором пребывает лирическая героиня, причем это семантика «мозаичного» типа, то есть вмещает в себя массу разных оттенков чувств и эмоций: восторг, радость, удовольствие, любовь, приятное ожидание скорой встречи. Подобный эффект создается автором при помощи искусного сочетания эпитетов, в роли которых выступают зрительно-цветовые предикативы «восприятия», характеризующие состояние окружающей природы: *сух* и *розов*, *бесцветна* и *тонка*. Если бы поэтесса заменила предикативы на полные прилагательные, полностью изменился бы эмоциональный строй стихотворения, а семантика центрального предикатива *счастлива* потеряла бы свою интенсивность и многоплановость: «<...> в поэзии Ахматовой совершенно исключительную роль играют определения слухового, зрительного и эмоционального типа» [Виноградов, 1925, с. 31]. Кроме того, дополнительно семантику счастливого состояния героини усиливает оценочный безличный предикатив *как хорошо* в сочетании с интенсификатором *как*. Обращает на себя внимание и конструкция с суперлативом *всего милей* в сочетании с союзом *НО*, открывающая целый ряд субъективных ассоциаций героини. Союз позволяет сопоставить чувства и ощущения лирической героини: то, что чувствует и видит сейчас, и то, что было, но близ-

ко ее сердцу, а союз *И* в сочетании с указательным местоимением *то* резко и эмоционально присоединяют заключительное предложение-развязку, оставляя некую недосказанность. Такие стилистические приемы, по словам В. В. Виноградова, обусловлены «замкнутой формой интимного рассказа» [Виноградов, 1925, с. 32].

Среди личных конструкций с предикативом с положительной семантикой можно выделить интересные примеры употребления оценочных «предикативов восприятия» *сладок/сладостен* в переносном значении. Данные предикативы – это производные от полных прилагательных *сладкий* и *сладостный*, являющиеся синонимами со значением «...перен. Приятный, доставляющий удовольствие» [Толковый словарь Ожегова, 2006, с. 727].

Я помню только сад, сквозной, осенний, нежный, / И крики журавлей, и чёрные поля... / О, как была с тобой мне сладостна земля! [Ахматова, 2002].

В данном тексте личный предикатив *сладостна* употребляется с субъектом в дательном падеже *мне* и интенсификатором *как* в сочетании с междометием *О*. В препозиции в качестве синтаксического партнера предикативной конструкции используется сложное предложение с элементом многосоюзия, обособленными определениями, представляющее сумбурную цепочку воспоминаний-ассоциаций лирической героини и выполняющее в данном контексте роль интенсификатора. Важно отметить, что использование дательного субъекта в личных конструкциях характерно именно для оценочных предикативов (дательный субъект обычно используется в безличных конструкциях: ср. *Мне приятно* и *Мне приятны*), к примеру: *Приду туда, и отлетит томленьё. / Мне ранние приятны холода* [Ахматова, 2002] или «мне» в сочетании с градуатором *вечно...Прощай, мой тихий, ты мне вечно мил* [Ахматова, 2002].

А в тексте *Слишком сладко земное питьё, / Слишком плотны любовные сети. / Пусть когда-нибудь имя моё / Прочитают в учебнике дети...* [Ахматова, 2002] мы видим использование градуатора *слишком*, лексический повтор которого вдвойне усиливает семантику предикативов *сладко* и *плотны*, употребленных в переносном значении в параллельной синтаксической конструкции.

Заключение

Каждое стихотворение поэтессы словно фрагмент одного большого романа, в центре которого переживания лирической героини. Раскрытие это-

го сложного и противоречивого внутреннего мира во многом осуществляется благодаря лаконичным и экспрессивным формам личных предикативных конструкций. «Ахматова <...>открыла новые способы лирического воплощения внутренней (эмоциональной) структуры сознания, которое может быть явлено не иначе как в процессе восприятия предметов, объектов и внешних событий» [Меркель, Кихней, 2017, с. 19].

Библиографический список

1. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. Москва : Советская энциклопедия, 1966. 598 с.
2. Ахматова А. А. Избранное. Смоленск : Русич, 2002. 640 с.
3. Виноградов В. В. О поэзии А. Ахматовой (стилистические наброски). Ленинград : Изд-во Фонет. ин-та языков, 1925.
4. Виноградов В. В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. Москва – Ленинград : Уч-педгиз, 1947. 784 с.
5. Дегтярева М. В. Частеречный статус предикатива : монография. Москва : МГОУ, 2007. 162 с.
6. Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. URL : <http://efremova-online.ru> (дата обращения 25.06.2020).
7. Козловская А. А. Выражение душевного состояния безличной формой предикатива в лирике поэтов Серебряного века (А. Ахматовой, С. Есенина, В. Маяковского) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2014. № 4. С. 68–74.
8. Лекант П. А. Часть речи предикатив // Грамматические категории слова и предложения. Москва : МГОУ, 2007. 215 с.
9. Лекант П. А. Формы интенсификации в поэтическом языке А. С. Пушкина // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2015а. № 6. С. 32–36.
10. Лекант П. А. Аналитические формы и аналитические конструкции в современном русском языке. Монография. Москва : ИИУ МГОУ, 2015б. 86 с.
11. Меркель Е. В., Кихней Л. Г. Ранняя лирика Анны Ахматовой как квазироманная структура (размышления по поводу одной эйхенбаумовской рецензии) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов : Грамота. 2017. № 5. Ч. 1. С. 18–21.
12. Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов в 6 т. / РАН. Ин-т рус. яз; под ред. Н. Ю. Шведовой. Т. 3. Москва : Азбуковник, 2007. 922 с.
13. Савостина Д. А. Категоризация субъективности и эмоциональности в русской литературе первой трети XX века: формы предикатива : монография. Москва : МГОУ, 2010. 153 с.
14. Словарь служебных слов русского языка. А. Ф. Прияткина, Е. А. Стародумова, Г. Н. Сергеева [и др]. Владивосток : ГУП Примполиграфкомбинат, 2001. 365 с.

15. Твердохлеб О. Г. Предикативное употребление компаратива в поэзии А. Ахматовой // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2017а. Т. 9. Вып. 1. С. 78–84.

16. Твердохлеб О. Г. «Вещность» объектов сравнения, выраженных родительным падежом имени при компаративах в поэтическом языке акмеистов: С. М. Городецкий // Экология языка и коммуникативная практика. 2017б. № 1. С. 161–169.

17. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений. С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова // Российская академия наук. Институт рус. яз. имени В. В. Виноградова. 4-е изд. Москва : ООО «ИТИ Технологии», 2006. 940 с.

18. Хадзиева А. А., Нальгиева А. А. Особенности творчества Анны Ахматовой // Проблемы современной науки и образования. Иваново : Олимп, 2018. № 2. С. 35–37.

19. Щерба Л. В. О частях речи в русском языке. URL: <http://www.ruthenia.ru/apr/textes/sherba/sherba1.htm> (дата обращения: 12.06.2020).

20. Эйхенбаум Б. М. Анна Ахматова. Опыт анализа. Петербург: Научная библиотека, 1923.

Reference List

1. Ahmanova O. S. Slovar' lingvisticheskikh terminov = Dictionary of linguistic terms. Moskva : Sovetskaja jenciklopedija, 1966. 598 s.

2. Ahmatova A. A. Izbrannoe = Selected works. Smolensk : Rusich, 2002. 640 s.

3. Vinogradov. V. V. O poezii A. Ahmatovoj (stilisticheskie nabroski). = On Akhmatova's poetry (stylistic sketches). Leningrad : Izd-vo Fonet. in-ta jazykov, 1925.

4. Vinogradov V. V. Russkij jazyk. Grammaticheskoe uchenie o slove = Russian language. The grammatical theory of the word. Moskva – Leningrad : Uch-pedgiz, 1947. 784 s.

5. Degtjareva M. V. Chasterechnyj status predikativa = Status of the predicate as a part of speech : monografija. Moskva : MGOU, 2007. 162 s.

6. Efremova T. F. Novyj slovar' russkogo jazyka = New Dictionary of the Russian Language. URL : <http://efremova-online.ru> (data obrashhenija 25.06.2020).

7. Kozlovskaja A. A. Vyrazhenie dushevnoho sostojanija bezlichnoj formoj predikativa v lirike pojetov Serebrjanogo veka (A. Ahmatovoj, S. Esenina, V. Majakovskogo) = Expressing the state of mind through impersonal predicate in the lyrics of the Silver Age poets (A. Akhmatova, S. Esenin, V. Mayakovsky) // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Serija: Russkaja filologija. 2014. № 4. S. 68–74.

8. Lekant P. A. Chast' rechi predikativ = Predicate as part of speech // Grammaticheskie kategorii slova i predlozhenija. Moskva : MGOU, 2007. 215 s.

9. Lekant P. A. Formy intensiva v pojeticheskom jazyke A. S. Pushkina = Forms of intensification in Pushkin's poetic language // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Serija: Russkaja filologija. 2015a. № 6. S. 32–36.

10. Lekant P. A. Analiticheskie formy i analiticheskie konstrukcii v sovremennom russkom jazyke = Analytical forms and analytical constructions in contemporary Russian : Monografija. Moskva : IJU MGOU, 2015b. 86 s.

11. Merkel' E. V., Kihnej L. G. Rannaja lirika Anny Ahmatovoj kak kvaziromannaja struktura (razmyshlenija po povodu odnoj jejhenbaumovskoj recenzii) = Anna Akhmatova's early poetry as a quasi-romantic structure (reflections on an Eichenbaum's review) // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. Tambov : Gramota. 2017. № 5. Ch. 1. S. 18–21.

12. Russkij semanticheskij slovar'. Tolkovij slovar', sistematizirovannyj po klassam slov v 6 t. = Russian Semantic Dictionary. Explanatory dictionary, organized according to word classes in 6 vols. / RAN. In-t rus. jaz; pod red. N. Ju. Shvedovoj. T. 3. Moskva : Azbukovnik, 2007. 922 s.

13. Savostina D. A. Kategorizacija sub#ektivnosti i jemocional'nosti v russkoj literature pervoj treti HH veka: formy predikativa = Categorising subjectivity and emotionality in Russian literature of the first third of the 20th century: forms of the predicate : monografija. Moskva : MGOU, 2010. 153 s.

14. Slovar' sluzhebnyh slov russkogo jazyka = Dictionary of the Russian Language functional words / A. F. Prijatkina, E. A. Starodumova, G. N. Sergeeva [i dr]. Vladivostok : GUP Primpoligrafkombinat, 2001. 365 s.

15. Tverdohleb O. G. Predikativnoe upotreblenie komparativa v poezii A. Ahmatovoj = Predicative use of the comparative in Akhmatova's poetry // Vestnik Permskogo universiteta. Rossijskaja i zarubeznaja filologija. 2017a. T. 9. Vyp. 1. S. 78–84.

16. Tverdohleb O. G. «Veshhnost'» ob#ektov sravnenija, vyrazhennyh roditel'nym padezhom imeni pri komparativah v pojeticheskom jazyke akmeistov: S. M. Gorodeckij = «Materiality» of objects to compare, expressed by the genitive case of the noun in Acmeist poetic language comparatives: S. M. Gorodetsky // Jekologija jazyka i kommunikativnaja praktika. 2017b. № 1. S. 161–169.

17. Tolkovij slovar' russkogo jazyka: 80000 slov i frazeologicheskij vyrazhenij = Explanatory Dictionary of the Russian Language: 80,000 words and phraseological units / S. I. Ozhegov, N. Ju. Shvedova // Rossijskaja akademija nauk. Institut rus. jaz. imeni V. V. Vinogradova. 4-e izd. Moskva : ООО «ИТИ Технологии», 2006. 940 s.

18. Hadzieva A. A., Nalgieva A. A. Osobennosti tvorcestva Anny Ahmatovoj = Characteristics of Anna Akhmatova's work // Problemy sovremennoj nauki i obrazovanija. Ivanovo : Oлимп, 2018. № 2. S. 35–37

19. Shherba L. V. O chastjah rechi v russkom jazyke = On parts of speech in the Russian language. URL: <http://www.ruthenia.ru/apr/textes/sherba/sherba1.htm> (data obrashhenija: 12.06.2020).

20. Jejhenbaum B. M. Anna Ahmatova. Opyt analiza = Anna Akhmatova. Experience of analysis. Peterburg: Nauchnaja biblioteka, 1923.